



До вчерашнего дня я, Джорджи Кэррутерс, не верила в пришельцев. Нет, возможно всякое, я не отрицаю. Но расскажи мне кто-нибудь на полном серьезе, что маленькие зеленые человечки кружат вокруг Земли на летающих тарелках и похищают людей, я бы решила, что он спятил.

Но это было вчера.

А что сегодня? Сегодня совсем другая история.

Полагаю, все началось прошлой ночью. Поначалу все шло как обычно. День я провела на работе, общаясь с посетителями через окошко банковской кассы, вечером вернулась домой, разогрела себе готовую еду, поужинала, плясь в телевизор, и задремала на диване. Да, моя жизнь не похожа на праздник, но это был вторник, а вторники для работы, а не для развлечений, не так ли? Потом я пошла спать, и тут-то все и началось.

Мне снился очень странный сон. Не про то, как у тебя выпадают зубы или ты вдруг оказываешься голой перед всем классом — такими снами меня не удивишь. Нет, это был гораздо более зловещий сон — о потерях и одиночестве, о боли и холодных комнатах, залитых белым светом. Снилось, что я иду по туннелю, вижу вдали огни приближающегося поезда, хочу поднять руку, чтобы заслониться, но рука, увы, меня не слушается.

На этом моменте я проснулась и зажмурилась от тонкого луча света, проскользнувшего мне по глазам. *Кто-то* светил мне чем-то в глаза? Я моргнула, пытаюсь сосредоточиться, и осознала, что это не сон и я вовсе не дома, а где-то еще...

Затем свет погас и раздался странный звук, напоминающий чириканье птицы. Глаза постепенно привыкли к темноте, я пригляделась и обнаружила, что меня окружают странные существа — маленькие зеленые человечки с огромными черными глазами, большими головами и тощими бледными руками.

И тут я закричала! Вопила так, будто меня убивают.

Один из пришельцев наклонил ко мне голову и издал уже знакомое чириканье, хотя его лицо при этом не двигалось. В следующий миг что-то горячее и сухое приложили к моим губам и удерживали, пока я не почувяла едкий запах. Черт! Неужели мне суждено вот так умереть? Я отчаянно

хватала ртом воздух, пытаюсь дышать, но свет вокруг быстро померк, и я снова провалилась в сон.

На этот раз мне снилась работа. В стрессовых ситуациях мне всегда снится работа. В течение нескольких часов разъяренные клиенты банка кричали на меня, пока я вскрывала пачки двадцаток, которые, казалось, никак не хотели вскрываться. Но я была рада пересчитывать мелочь, лишь бы отвлечься. Ненавижу сны о работе, но этот принес облегчение. Никаких поездов, никаких пришельцев, просто работа кассиром в банке. С этим я могла справиться.

Так я оказалась здесь.

Я проснулась и пытаюсь понять, где нахожусь. Сажусь и осматриваюсь. В нос бьет запах канализации. Кажется, позади меня стена. Тело ноет от боли, голова кружится, руки и ноги отяжелели. Понятно, кто-то накачал меня наркотиками. Даже не кто-то, а *что-то*. Дыхание учащается, когда в сознании всплывает образ темноглазых пришельцев, я испуганно оглядываюсь. Нет, где бы я сейчас ни была, их тут нет. Слава богу!

Щурясь в полутьме, я пытаюсь разглядеть помещение. Кажется, это большая темная комната с черными стенами. Слабый оранжевый свет исходит от трубок, закрепленных на потолке, метрах в шести над головой. Это место похоже на грузовой отсек корабля из какого-то странного научно-фантастического фильма. Напротив меня шесть больших металлических труб, выстроенных вдоль стены, как шкафчики. Оран-

жевые и зеленые огоньки бегают вверх-вниз по этим трубам, подсвечивая какие-то завитушки и точки. Наверное, что-то вроде инопланетного письма. В дальнем углу виднеется дверь, однако добраться до нее не удастся, потому что я за металлической решеткой.

И здесь ужасно воняет. Это коктейль из запахов мочи, дерьма, рвоты и пота, от которого меня тошнит. Фу! Хочется прикрыть рот рукой, но она не слушается, и все, что мне удастся сделать, — немного пошевелить пальцами.

Поворачиваю свою тяжелую, одурманенную голову из стороны в сторону, продолжая осматриваться. И вдруг понимаю, что я здесь не одна. По эту сторону решетки есть и другие. В тусклом свете насчитываю семь, может быть, восемь фигур, которые лежат на полу, свернувшись клубочком и прижавшись друг к другу, как щенки. Начинаю подозревать, что я в какой-то тюремной камере или в клетке. Нет, в клетке было бы гораздо хуже. В камере хотя бы можно стоять...

По крайней мере, здесь нет пришельцев. Подступает паника, но я слишком вымотана. Это как получить дозу веселящего газа в качестве обезболивающего на приеме у стоматолога — совершенно не можешь сосредоточиться.

Обнаженное плечо болит, я с трудом потираю его пальцами и нащупываю на своей руке несколько шишек, которых определенно раньше не было. Нажимаю сильнее. Под кожей точно что-то твердое. Какого черта? Я пытаюсь раз-

глядеть свою руку в темноте, но ничего не вижу. Образы пришельцев, луч света, направленный мне в лицо, кошмар и ужас — все это встает перед глазами, и меня накрывает. Из моей груди вырывается стон.

— Не кричи, — шепчет кто-то, касаясь моей руки.

Медленно поворачиваю свою тяжелую голову и встречаюсь взглядом с худенькой блондинкой примерно моего возраста. У нее длинные грязные волосы и большие глаза на тощем лице. Она оглядывается, а затем прикладывает палец к губам на случай, если я не поняла ее предупреждения.

Поняла, ладно, ладно. Я подавляю подступающий к горлу крик, киваю и стараюсь сохранять спокойствие. Не кричи, Джорджи, не кричи. Ты можешь держать себя в руках, у тебя получится.

— Ты в порядке?

— Да...

Говорить сложно, язык не слушается. И слюна вдруг начинает капать изо рта. Прекрасно, только этого не хватало. Пытаюсь своей отяжелевшей рукой вытереть рот.

— Извини...

— Все в порядке, — шепчет незнакомка, а меня опять накрывает. Она старается говорить тихо, чтобы не разбудить остальных. — Мы все просыпаемся тут немного с похмелья, они накачивают новеньких наркотиками. Это скоро пройдет. Я Лиз.

— Джор-джи, — отвечаю медленно, по слогам, чтобы правильно произнести свое имя. Затем потираю руку и указываю на странные шишки. — Что происходит?

— Ну, тебя похитили инопланетяне. Думаю, что ты это и так знаешь.

Пытаюсь улыбнуться, но получается плохо, и все, что мне удается — это снова пустить слюни.

Лиз подвигается ближе.

— Хорошо, давай посмотрим, смогу ли я ответить на главные вопросы, которые наверняка крутятся в твоей голове. Кто все эти люди? — Она жестом указывает на остальных, все еще спящих в клетке. — Это такие же, как и мы, жертвы пришельцев, похищенные по всему миру. Большинство американцы, но, кажется, есть кто-то из Канады. Ты уже двадцать вторая.

— Правда?

— Боюсь, что да. Дай угадаю: ты живешь одна, родственников поблизости нет, ты не беременна и у тебя нет серьезных заболеваний?

— Как...

— Потому что мы все в одной лодке, — мрачно говорит Лиз. — У каждой девушки, которую они выбирают, одна и та же история. Кроме Меган, она была беременна, на втором месяце. Но они почистили ее, как будто это обычное дело. — Лиз вздрагивает при этих словах. — Похоже, куда бы нас ни везли, им не нужны беременные девушки. Просто молодые и здоровые.

О боже! Подступает тошнота, и я с трудом сглатываю. Здесь ведь даже нет уборной. И теперь понятно, почему вокруг пахнет нечистотами. От Лиз тоже исходит не самый приятный запах.

— Как давно ты... здесь?

— Я? Две недели. Кира здесь дольше всех остальных, только у нее есть наушник.

Я оглядываюсь, но не вижу ни на ком наушника.

— Это переводчик, — объясняет Лиз. — Но ты скоро сама все увидишь. Такой объем информации непросто переварить сразу, да? Хорошо, последнее. Видишь те трубы? — Она указывает на дальнюю стену и те металлические штуки, которые напоминают большие шкафчики. — Кира видела, что в них. Она сказала, что там такие же девушки, как и мы.

У меня перехватывает дыхание. Что? Еще девушки?

Лиз машет рукой, напоминая, что нам следует вести себя тихо, и я киваю, потирая свои зудящие шишки на руке.

Она оглядывается, чтобы убедиться, что никто не идет, потом пододвигается еще ближе. Теперь я сильнее чувствую запах ее тела, от нее пахнет потом, но это человеческий пот.

— Так вот... Кира рассказывала, что когда пришельцы ее похитили, они пытались наладить с ней контакт, но она, конечно же, ничего не могла понять. Тогда они вживили ей в ухо наушник, который переводит их речь. Подозреваю, у них

был только один такой. Зато Кира теперь может переводить для всех нас.

— Вжи-ви-ли? — повторяю я в ужасе от одной только мысли.

— Ага. Пометили ее, как корову. — Лиз морщится. — Извини, я из Оклахомы, думаю, этот образ вызывает у меня больше эмоций, чем у тебя. Откуда ты родом?

— Орландо, — решаю сказать я. Не уверена, что смогу произнести «Флорида», не брызгая при этом слюной.

Она кивает.

— По всей стране людей похищают. В любом случае, из того, что Кире удалось понять, наши новые друзья — кто-то вроде контрабандистов. Угадай, чем они торгуют?

— Девушками?

— Ага. — Она снова указывает на шкафчики. — Я предполагаю, что изначально их целью было похитить шестерых, но дело так хорошо пошло, что они решили не останавливаться и втиснуть в грузовой отсек еще несколько десятков жертв, прямо как заправские бандиты. Кира говорит, что новенькая появляется каждые два дня или около того. Мы думаем, что они собираются упаковать нас, как сардины, а затем продать... Не знаю, кому-нибудь. Я вообще стараюсь не думать о том, что дальше. Когда начинаю, мне хочется кричать, и поверь мне, ты не хочешь знать, что происходит с теми, кто кричит.

О боже!



— Что?..

— Ты скоро сама все увидишь, — говорит Лиз с болью в голосе. — Просто знай, эти худощавые не выносят шума. Не забывай об этом, договорились?

Добавлю это к предыдущему предостережению.

— Договорились. А что с моей... рукой?

— Ты про эти шишки? У них есть какой-то врач, а то и ветеринар, кто его знает. Когда тебя только-только доставляют сюда, появляется он, вонзает в тебя кучу игл, вживляет какую-то серебряную штуку под кожу и уходит. Мне это напоминает работу ветеринара на ферме: он ставит прививки коровам и цепляет трекер им на ухо. Только нам трекер вживили в руку. Вот видишь, я снова сравниваю нас с коровами. Наверное, не стоит, да?

— Потому, что коров мы... едим, — бормочу я, пуская слюни.

Лиз фыркает.

— Да, так и есть. Но мне кажется, они слишком с нами возятся, чтобы просто съесть. Если только мы не какие-то деликатесы, чего я, конечно, не исключаю. Но... да.

— Да, — эхом отзываюсь я.

— Постарайся немного поспать, если сможешь, — бормочет Лиз, похлопывая меня по больной руке. — Сон — это практически единственное спасение, которое у нас есть. Наслаждайся им.

Эта Лиз такая оптимистка. Я обхватываю себя руками и замечаю, что на мне все еще пижама без рукавов, в которой я легла спать. Здесь не очень-то тепло и уютно. Как жаль, что я не надела просторную фланелевую пижаму в этот раз.

Подумать только, я не оделась должным образом для похищения пришельцами! Мои плечи трясутся от смеха, пока он не переходит в слезы.

Так что да, еще вчера я не верила в инопланетян. Но это было вчера.

Тихо плачу и засыпаю.



За следующие несколько дней на космическом корабле я кое-что выяснила.

Например, что здесь вообще нет туалета. Похоже, наши похитители не все продумали до конца, решив забрать кучу людей сразу. Нам приходится обходиться ведром в углу, отсюда и вонь. Чувство собственного достоинства? Уничтожено напрочь. Когда ждешь своей очереди у ведра для какашек, то постепенно теряешь то небольшое человеческое, что у тебя осталось.

Еще я узнала, что еда здесь — это крошечные батончики, которые на вид как сушеные морские водоросли и на вкус как дерьмо. Мы получаем по два таких в день. Вода? Она подается из какого-то крана в стене и напоминает мне кормушку для хомячков.

Рубцы на моей руке практически затянулись, осталась только небольшая шишка. Ощупывая ее и разглядывая руки других девушек, я предполагаю, что нам вживили какие-то электронные устройства слежения. Бирки для скота, как назвала их Лиз. Теперь это сравнение мне кажется чертовски уместным.

Я выяснила, что на корабле есть два типа пришельцев. Одни — тощие зеленые, которые, по-видимому, всем заправляют, и вторые, у которых голова похожа на баскетбольный мяч, отвечают за безопасность. Я называю их баскетбольными головами, потому что их шишковатые лысые черепа обтянуты шершавой оранжевой кожей. Эффект усиливает контраст с серыми обтягивающими костюмами, которые всегда носят пришельцы. Несмотря на комичное прозвище, баскетбольные головы наводят ужас одним своим видом. Они высокие, у них маленькие, как у насекомых, глазки с плотными веками, зубы как иглы, а на руках по три пальца. Маленькие зеленые человечки, которые издают птичьи звуки, не выше метра ростом или около того и редко появляются в грузовом отсеке. Что же до баскетбольных голов, то те постоянно тут, и все их боятся.

Я выяснила все это на следующее утро. Хотя вполне возможно, что был уже день, когда я проснулась и увидела, что все остальные уже не спят. Кажется, одурманивающее действие наркотиков закончилось. Я беззвучно подави-

ла зевок, потому что тишина — это хорошо. Потребовалось мгновение, чтобы понять, что все пятятся в дальний конец клетки, стараясь держаться подальше от прутьев. Волосы у меня встают дыбом, и я повторяю за остальными. Я хочу спросить, что происходит, но как только открываю рот, Лиз молча качает головой, глядя на что-то через мое плечо.

Оборачиваюсь и вздрагиваю при виде пришельца с баскетбольной головой, смотрящего на меня через решетку. Снова вздрагиваю, когда он злобно ухмыляется мне, и пододвигаюсь ближе к остальным.

— Не кричи, — шепчет кто-то предупреждающе.

Боже, это сводит меня с ума! Киваю. Ни за что не издам ни звука.

Баскетбольные головы в комнате весь день, как будто выжидают чего-то, я даже боюсь представить чего. Мы сидим в углу клетки. Через несколько часов в комнату заносят еще одну девушку без сознания. Никто даже не пытается бежать, когда дверь клетки открывается. Мы просто сидим и смотрим, как пришельцы запихивают новую девушку к нам и снова закрывают дверь.

Я догадываюсь, почему никто не хочет попытаться вырваться: куда нам бежать? Да и последствия непослушания, должно быть, ужасны, потому что все в клетке до чертиков напуганы баскетбольными головами. Кто-то хватает но-

венькую за руку и пытается подтащить ее ближе к нам. Она примерно моего возраста и у нее красивые рыжие волосы. Замечаю, что баскетбольные головы продолжают подходить к клетке и обсуждать новенькую на своем странном ломаном языке, время от времени жестикулируя. Затем они смеются пронзительным жутким смехом, который действует на мои уже порядком измотанные нервы.

Похоже, они делают ставки на новенькую.

Через несколько часов она просыпается. В этот момент я сижу рядом с Лиз и выхожу из ступора, как только новенькая резко вдыхает. Потом она громко всхлипывает, ее глаза расширяются от ужаса.

— Не кричи, — шепчет кто-то.

Непонятно, кто это был, но сейчас все думают так же.

Однако рыжая нас не слышит. Она оглядывается, паника охватывает ее, и она начинает кричать. Пронзительный вопль волной прокатывается по отсеку. Девушка не останавливается даже тогда, когда другие машут руками и пытаются ее успокоить. Она в истерике, ее крики становятся все громче, она извивается и отбивается от наших объятий.

Что-то пищит над головой. Все остальные в клетке замирают. Странное чириканье из интеркома наполняет воздух.

Один из баскетбольных голов касается светящейся панели и издает булькающий звук в ответ.

Другой подходит к клетке и открывает дверь, в этот момент толпа девушек отступает.

Вот она, свобода, но никто не делает и шага.

Рыжая в ловушке. Надо отдать ей должное, она настоящий боец — извивается и отбивается, выкрикивая непристойности по-французски и взывая о помощи всякий раз, когда пришельцы к ней прикасаются. Все остальные тихо сидят и наблюдают.

Я не могу этого больше выносить. Хочу встать, чтобы помочь новенькой, но Лиз хватает меня за ногу.

— Не надо, — шипит она. — Не привлекай к себе внимания, Джорджи, поверь мне.

Несмотря на то что все мое нутро противится бездействию, я тоже в ужасе и так ни на что и не решаюсь. Проще снова сесть вместе с моими товарками по несчастью. Сидеть, ждать и смотреть, что бывает, когда кто-то не подчиняется негласному приказу соблюдать тишину. И я уже ненавижу себя за это.

Рыжую между тем тащат к тому, что я приняла за стол для осмотра. В ужасе наблюдаю, как один из пришельцев прижимает к ее рту какую-то маску. Крики прерываются, и я понимаю, что они надели на нее что-то вроде намордника. Стискиваю зубы, меня тошнит. Руки девушки вытянуты над головой и уже привязаны шнуром к дальнему концу стола, ее бедра и ноги свисают с края стола, и я начинаю представлять себе худшее.

Она продолжает брыкаться и дергаться, когда один из инопланетян срывает с нее юбку.

— Не смотри, — шепчет мне Лиз.

Но я смотрю. Кто-то должен посмотреть. Кто-то должен это увидеть.

С болью в сердце наблюдаю, как рыжая сопротивляется и пытается вырваться. Первый пришелец одним касанием расстегивает униформу, а его друг в это время уже взбирается на бедную девушку, явно насмехаясь над ней.

Я не плачу, я смотрю глазами, полными ненависти, как они смеются и взбираются на нее снова и снова. Кажется, это длится вечно. В какой-то момент она перестает сопротивляться и обмякает. Надеюсь, она потеряла сознание, надеюсь, она ничего не вспомнит.

Лиз сжимает мою руку.

— Кира говорит, у них есть разрешение от зеленых на то, чтобы таким образом «дисциплинировать» любую непослушную пленницу.

Киваю и, наконец, отвожу взгляд. Пришельцы переговариваются на своем странном языке и снова меняются местами. Полагаю, что к этому моменту новенькая полностью «дисциплинирована». Я хочу закричать, но это запрещено. Впиваюсь ногтями в ладони и разглядываю бледные лица в одной клетке со мной, пытаюсь понять, кто из них Кира. Девушка с шелковистыми каштановыми волосами плачет в дальнем углу клетки, прижав руки к ушам, как будто ей невыносимо слышать что-то ужасное. Это, должно быть, Ки-